

дительном движении было крайне, конечно, затруднено той нетерпимостью, которую социалисты-народники леворадикального толка демонстрировали по отношению к любому инакомыслию. Плеханов, сам вышедший из народничества, болезненно порывавший с идеологией и идеологами народничества, не мог без крайнего возмущения говорить об этой идейной нетерпимости своих бывших единомышленников и соратников. «Если Спиноза,— писал он,— еще в XVII столетии говорил, что в свободном государстве каждому должно быть предоставлено право думать, что он хочет, и говорить, что он думает, то возможно ли, чтобы это право могло быть подвергнуто сомнению в конце XIX века, в среде социалистической партии хотя бы и самого отсталого государства Европы? Признавая право свободы речи в принципе, занося требование его в свои программы, русские социалисты не могут предоставить пользование этим правом лишь той фракции или «партии», которая претендует на гегемонию в данный период революционного движения... с каких это пор,— восклицает Плеханов,— обсуждение пути, по которому идет та или иная армия, и выражение уверенности в том, что существует другой путь, который вернее и скорее приведет к победе, стало считаться «расстраиванием организации этой армии»? Я думаю, что такое смешение понятий возможно только в диких полчищах азиатских деспотий...»⁴⁹

Надо думать, что в конечном счете идейная нетерпимость народнического толка шла (пусть даже и неосознанно) от некоего комплекса социально-психологической неполноценности, коренившейся, в свою очередь, в межеумочности их общественно-исторического положения. Межеумочность была связана и с кризисом форм массового освободительного движения, как о том уже говорилось выше. Нетерпимость — род духовного недуга, она сродни фанатической одержимости. Для нетерпи-

мости, порожденной «верой», «иноверец» — человек другого мировосприятия — всегда, как ни странно, приемлемее, нежели «еретик» в собственных рядах. Но в качестве определенного идейного «умонастроения» нетерпимость опасна еще тем, что заразна. И передается на значительное историческое расстояние.

ТРЕТЬЕ ОБЪЯСНЕНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

Этому объяснению пришло время, и его не надо откладывать только ради соображений внешней стройности изложения материала.

Так вот, может создаться впечатление, что изложение основной темы в книге слишком уж «ветвится», часто уходя в какие-то боковые «ответвления» и слишком часто вроде бы уводя читателя от главных сквозных проблем. Но «слишком» «ветвится» само, как говорят, «древо» развития русской общественной мысли. И «ответвления» эти весьма характерны и важны — ими соединяются «кроны» разных идейных образований, составляющих в своей совокупности общий массив духовной жизни страны. Можно даже сказать, что в известном смысле этот «шатер из крон» — своего рода «легкие», обеспечивающие жизнеспособность и жизнедеятельность данного общества в той среде его духовного обитания, которой является в конечном счете вся культурная атмосфера всего человечества. Далее. Дело обстоит так, что по мере своего роста «древо» духовной жизни человечества вообще все более и более

«ветвится». Мир, как теперь становится все более ясно, идет к бесконечно расширяющемуся многообразию, а не к все ужесточающейся унификации форм и путей своего развития — такова главная закономерность последующих эпох и их главное условие. Иначе — ничего. Ибо победа над идеологическим противником ни для кого в представимом будущем не может уже быть «окончательной и бесповоротной» по той простой причине, что сам носитель чуждой идеологии может быть сокрушен лишь самоубийственным и для его противника способом. Неизбежность признания взаимообусловленности существования взаимовраждебных социальных сил переводит всю идеологическую перспективу из сферы решения вопроса «кто кого?» в сферу решения задачи сохранения самой среды духовного обитания человечества в единстве ее идеологических противоположностей. А эта совершенно новая, беспрецедентная идеологическая ситуация атомного времени, потребовавшая и вызвавшая к жизни, как известно, новое мышление, то есть новую систему мировосприятия, побуждает нас по-новому взглянуть и на всю «историю вопроса», очень важной частью которого является наш «русский опыт» развития общественной мысли. Ибо возникновение нового мышления отнюдь не знаменует наступления эры духовной идиллии, хотя при всем том непременно подразумевает взаимопонимание противоборствующих сил и переводит ситуацию идейной схватки в форму длящегося диалога, исключающего катастрофическую коллизию, при которой оружие критики могло бы «перерасти» в критику оружием. «Быть или не быть» отныне, как известно, можно лишь вместе. Возникает идеологическая ситуация, не имеющая аналогов в истории общественной мысли. И потому роль опыта прошлого оказывается теперь исключительно, небывало важной. По сути дела, речь идет о том идеологическом

арсенале, с которым мы сможем прийти к новому миропониманию.

Нет, я тут совсем и не думаю «притягивать» идеи и темы книги к самым острым проблемам современности — их не приходится «притягивать» к этим проблемам, они в них упираются, к ним выводят. Но тут очень важно видеть ту новую «точку отсчета» на шкале всех накопленных нами духовных ценностей, которая возникла в наше критическое, «предельное» время. И от этой «точки» вести счет всему, что было на том пути, которым мы шли к сегодняшнему дню. Трудно это или нет — совершенно неважно. Потому что только такой подход к делу ныне имеет смысл.

Можно, конечно, было срезать многие боковые линии нашего внутреннего идейного сюжета, стараясь вместо описания живого «древа» развития идей и духовных переживаний составить своего рода чертеж, по которому должны строиться наши представления о том, каким следует быть этому «дереву». Такие чертежи существуют в учебниках по садоводству и нужны для того, чтобы было понятно начинающему садоводу, как следует правильно «формировать» крону того или иного дерева вообще. Но «дерево», о котором идет речь, росло так, а не иначе. Не потому, наверное, что иначе и расти не могло. Могло бы, вероятно, и иначе. Но росло так в силу сцепления ряда важных причин и многих важных случайностей. Сочинять его чертеж теперь имело бы смысл лишь в том случае, если бы мы задались целью показать, где и как оно удалялось от наших теперешних представлений о «нормальном», «правильном» росте. И потому выигрыш во внешней неукоснительности последовательного изложения материала с неизбежностью обернулся бы тут таким обеднением темы, при котором реальная традиция русской материалистической эстетики заведомо, согласно заранее приня-

той автором задаче, оказалась бы оставленной выситься «среди долины ровныя» в духовном одиночестве — вне тех идейных связей и общественных опосредований, которые на самом деле окружали ее. Составляя ту среду взаимодействия с ней, вне которой она не могла бы вообще жить и расти...

А нетерпимость... Что ж, она существовала, существует и будет еще существовать в ряду таких понятий и явлений, как, скажем, «несгибаемость», «непреклонность», «непримиримость», «бескомпромиссность» и т. д., и охотно готова рекомендовать себя в качестве прямой противоположности таким понятиям и явлениям, как, скажем, «беспринципность», «оппортунизм», «цинизм», «равнодушие» и т. д. Хотя это противоположение весьма риторично. В наш «экстремальный век», когда столь опасны именно экстремальные решения, нетерпимость стала заметно терять нравственную несомненность. И это обстоятельство отбрасывает, конечно, некий обратный свет на отношение к такого рода понятию и явлению в историческом прошлом. Ведь все понятия и все явления не с неба, как говорится, упали, и следует знать, откуда они все явились к нам, из чего и во что выросли и что обещают или чем могут грозить, чем способны восхитить или ужаснуть в своем возможном развитии. В общем, тут остается еще многое уразуметь и сделать, многое, если не слишком многое, остается, в частности, и на вашу долю. Но думаю, не надо делать особенного усилия, чтобы понять, как тесно все, о чем сейчас идет речь, связано с теми «взаимоотношениями» между Венерой и «Принципами», между красотой и справедливостью, истиной и свободой — теми самыми «проклятыми вечными» вопросами, на которые эстетическая мысль призвана искать ответы, пусть совсем не окончательные, ибо ничего окончательного на свете вообще нет пока что. И потребуются еще огром-

ный труд души и ума, чтобы научиться умерять ярость, все выше ставя великий человеческий дар любви и ненависти, человеческую способность восхищаться красотой и ужасаться безобразию в мире.

Теперь давайте продолжим нашу тему.

Глава пятая

«ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ» И «ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ»

(продолжение)

Пришел черед отметить, что в силу своеобразного исторического парадокса и своеобразной исторической логики те же народники не только враждовали с марксизмом, не только всячески препятствовали его утверждению в российском освободительном движении, но в то же время были и первыми пропагандистами, первыми распространителями марксизма в России. В известном смысле можно, пожалуй, даже сказать, что российское освободительное движение получило марксизм из народнических рук. И эту сторону дела нельзя недоучитывать прежде всего потому, что важно знать, как они все это делали, как они распространяли марксизм и в каком виде он выходил подчас из их рук. Ведь идеи — не просто «печатное слово», а нечто живое, то есть постоянно находящееся в каком-то движении и изменении, в каком-то взаимодействии со своей средой и своими «носителями». Идею нельзя ни передать, ни